

Корпус параллельных текстов в исследовании лексической семантики

Д. О. Добровольский

В статье обсуждаются возможности корпусно-лингвистического подхода к исследованию некоторых явлений лексической семантики. Эмпирической базой исследования является русско-немецкий корпус параллельных текстов, создаваемый в Австрийской академии наук в Вене в рамках проекта «Корпус Австрийской Академии» (ААС). В настоящий момент корпус включает роман Ф.М. Достоевского «Идиот» и его немецкие переводы. Предмет исследования – динамика лексической сочетаемости, а также отношения зависимости между сочетаемостными свойствами слова и его семантической структурой. Определенные словосочетания, периферийные для данной лексической единицы, могут со временем изменить свой статус. Одни из них могут из периферийных стать центральными, а другие – быть вытесненными за пределы нормы. В отдельных случаях подобные сочетаемостные изменения могут привести к модификации семантической структуры слова. Сопоставление слова с его возможными переводными эквивалентами, встречающимися в корпусе, помогает вскрыть нетривиальные семантические и сочетаемостные особенности соответствующих лексем обоих языков.

Корпусы параллельных текстов оказываются полезными не только для теории перевода, двуязычной лексикографии и прочих областей лингвистики, связанных с сопоставлением языков, но и для более детального описания семантики лексических единиц каждого из сопоставляемых языков. На примере русско-немецкого корпуса параллельных текстов, создаваемого в Австрийской академии наук (в институте "Корпус Австрийской академии") будет показано, как обращение к языковым ресурсам такого рода обогащает наши представления о семантических и сочетаемостных параметрах исследуемых единиц. В качестве эмпирического материала предлагаются кванторные слова типа НЕСКОЛЬКО, модификаторы степени проявления признака типа ЧРЕЗВЫЧАЙНО, а также прилигательные общей оценки типа ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ. Помимо чисто синхронных аспектов семантики данных слов будут привлекаться данные диахронии, поскольку корпус Австрийской академии позволяет сопоставлять современный русский язык с языком художественной литературы XIX века (в докладе будет использован русско-немецкий параллельный корпус по роману Ф.М. Достоевского "Идиот" и корпус по роману Д.А. Пригова "Живите в Москве!").

Материал исследования

Данная работа выполнена на материале русско-немецкого корпуса параллельных текстов, создаваемого в Австрийской академии наук в Вене в рамках проекта «Корпус Австрийской

Академии» (Austrian Academy Corpus – AAC) – подробнее о проекте см. [Biber, Breiteneder, Dobrovolskij 2002]. В настоящий момент корпус включает роман Ф.М. Достоевского «Идиот» и его немецкие переводы.

Из существующих переводов романа для включения в корпус отобраны три: два последних по времени – перевод Хартмута Хербота (1986) и Светланы Гайер (1996), а также перевод Э.К. Разин (псевдоним Элизабет Керрик), изданный в начале XX века и затем многократно переиздававшийся (работа над этим компонентом корпуса еще не закончена). Тексты корпуса выравнены по предложениям (подробнее см. [Добровольский 2003]).

Задачи исследования

В принципе корпус такого рода позволяет решать весьма различные задачи. Важнейшие особенности корпуса состоят в том, что он (а) включает не один перевод оригинала, а более и (б) основан на произведении русской классической литературы XIX века. Возможности использования корпуса обусловлены этими особенностями. Его материал позволяет сравнивать не только перевод с оригиналом (что характерно для любого корпуса параллельных текстов), но и различные переводы между собой, а также язык текста оригинала (и, в какой-то степени, языковые характеристики переводов) с нормами современного узуса. Иными словами, работа с корпусом может строиться по четырем направлениям, в основе которых лежат следующие противопоставления:

1. оригинал – перевод;
2. перевод₁ – перевод₂ – перевод₃;
3. особенности языка оригинала – узуальные нормы современного русского языка;
4. особенности языка перевода – узуальные нормы современного немецкого языка.

Каждое из этих направлений может принести результаты, представляющие интерес для различных филологических дисциплин: теории перевода, контрастивной лингвистики, лексической семантики и лексикографии, диахронических аспектов изучения языка и пр. В настоящей работе нас будет интересовать в первую очередь третье из указанных направлений. Отправная точка анализа – наблюдение за поведением отдельных слов, у которых появились новые сочетаемостные ограничения. В одних случаях эти факты объясняются семантическими сдвигами, в других – изменениями норм лексической сочетаемости, которые (по крайней мере, пока) не поддаются интерпретации в чисто семантических терминах. В последнем разделе статьи мы кратко остановимся на способах перевода интересующих нас слов на немецкий язык (ср. противопоставления 1 и 2). Таким образом, основная задача данной работы видится в описании и возможном объяснении отдельных явлений из области языковых изменений. Дополнительная трудность, возникающая при решении этой задачи, состоит в том, что далеко не для всех слов имеются детальные описания особенностей их сочетаемости; при этом понятно, что для исследования динамики соответствующих процессов необходимо располагать точными «сочетаемостными портретами» анализируемых слов. Сведения о словоупотреблении прошедших эпох часто помогают яснее увидеть нетривиальные ограничения на сочетаемость, свойственные современному узусу, и выполняют с этой точки зрения функцию «отрицательного языкового материала» в смысле Л.В. Щербы [1974].

Теоретические предпосылки

Мы исходим из допущения, что область сочетаемости данного слова (называемая в англо- и немецкоязычной литературе также «комбинаторным профилем») имеет центр и периферию.

Иными словами, одни словосочетания воспринимаются как абсолютно нормативные и стилистически безупречные, другие – как неправильные, а третьи – как допустимые в большей или меньшей степени, причем степень их приемлемости зависит не только от объективных параметров (т.е. от лингвистических свойств контекстуальных партнеров), но и от индивидуальных предпочтений носителей языка. Если первые словосочетания образуют центр «комбинаторного профиля», а вторые оказываются за его пределами, то третьи образуют широкую и размытую область периферии.

Именно эта область оказывается наиболее значимой с точки зрения языковых изменений. Трудно представить себе, что то или иное слово резко и скачкообразно может изменить свое контекстное поведение или даже свое лексическое значение. Гораздо более правдоподобной представляется гипотеза, согласно которой периферийные для того или иного слова сочетания могут со временем изменить свой статус. Одни из них могут из периферийных стать центральными, а другие – быть вытесненными за пределы нормы. В отдельных случаях подобные сочетаемостные изменения могут привести к модификации семантической структуры слова вплоть до возникновения новых и исчезновения старых значений. Рамки статьи позволяют проиллюстрировать эти положения лишь на одном примере.

***Замечательный*: пример комбинаторно обусловленного семантического развития**

В качестве примера, иллюстрирующего изменение, произошедшее в семантической структуре слова вследствие изменения его сочетаемости, может служить прилагательное *замечательный*. В романе «Идиот» это слово встречается как в контекстах, соответствующих современным нормам сочетаемости (1), так и в контекстах, воспринимаемых сегодня как явно устаревшие (2-3).

- (1) Если бы вы пожили больше с людьми, а в свете, я надеюсь, вам будут рады, как *замечательному молодому человеку*, то, конечно, успокоите ваше одушевление и увидите, что всё это гораздо проще... [*Идиот*]
- (2) Ну, так как, по-вашему, будет: это извращение понятий и убеждений, эта возможность такого *кривого и замечательного взгляда на дело*, есть ли это случай частный или общий? [*Идиот*]
- (3) Это был человек *замечательный по своим непрерывным и анекдотическим неудачам*, – один отставной офицер, хорошей дворянской фамилии, и даже в этом отношении почище Тоцкого, некто Филипп Александрович Барашков. [*Идиот*]

Очевидно, что слово *замечательный* изменило свое значение. В современном языке это прилагательное (в первую очередь при употреблении в атрибутивной функции) квазисинонимично таким словам, как *отличный, прекрасный, восхитительный, чудесный* и приблизительно означает 'исключительный по своим достоинствам, выдающийся' [Ожегов, Шведова] (в дальнейшем изложении для указания на это значение мы используем упрощенную форму 'очень хороший'), в то время как ранее оно значило 'заслуживающий внимания' (ср. употребляемое сегодня в этом значении слово *примечательный*, а также его квазисинонимы *необычный, удивительный* и пр.). В значении 'заслуживающий внимания' прилагательное *замечательный* встречается в произведениях и других классиков русской литературы: А.С. Пушкина (ср. [СЯП]), М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого. Это исходное значение слова *замечательный* непосредственно связано с его внутренней формой: прилагательное *замечательный* является производным от глагола *замечать* и изначально сохраняет значение 'достойный быть замеченным', т.е. 'заслуживающий внимания', непосредственно выводимое из семантики производящего глагола. Ср. нем. *bemerkenswert* и англ. *remarkable*, сохранившие это значение и сегодня. Для русского прилагательного *замечательный* значение 'заслуживающий внимания' представляется устаревшим. Оно не отмечено ни в [Ожегов, Шведова], ни в [Ушаков] и известно скорее по произведениям

русской классической литературы XIX века.¹ Интересно, что краткая форма этого прилагательного в предикативной функции употребляется в соответствующем значении и в современном языке; ср. *наше время замечательно тем, что...*; *ситуация замечательна тем, что два различных толкования не могут опереться на цитаты*. Таким образом, в данном случае отсутствует семантический изоморфизм, характерный для прилагательных в атрибутивном и предикативном употреблении.²

Естественно предположить, что в основе семантического сдвига 'заслуживающий внимания' → 'очень хороший' лежат изменения сочетаемостных предпочтений. Новое значение возникло в этом случае путем лексикализации одного из вариантов употребления. Слово *замечательный* в своем исходном значении входило в контексты, не имеющие оценочных ограничений, т.е. в контексты как с положительной (1), так и с отрицательной (2-3) «семантической просодией»³. Это вполне понятно, так как «заслуживать внимания» могут самые различные, неоднородные с оценочной точки зрения сущности.

Наиболее правдоподобное объяснение произошедшего семантического сдвига видится в следующем. Постепенно в узусе стал доминировать определенный тип сочетаемости – контексты с положительной оценкой. Такое сужение узальной сочетаемости привело к семантической спецификации 'заслуживающий внимания' → 'заслуживающий внимания как особенно хороший'; в семантической структуре сместился фокус и смысл 'очень хороший' стал восприниматься как центральный семантический компонент. Таким образом, причина перестройки элементов семантической структуры усматривается в том, что, во-первых, произошло сужение узальной сочетаемости и, во-вторых, как следствие этого, контекстно обусловленная прагматическая импликатура получила статус ассертивного компонента значения.⁴

Изменения в семантике повлекли за собой дальнейшие изменения в сочетаемости. Поскольку слово *замечательный* во времена Достоевского осмыслялось как 'заслуживающий внимания', а не как 'очень хороший', оно могло находиться в сфере действия модификаторов степени проявления признака типа *довольно* и *очень*; ср. контексты (4) и (5).

- (4) (а) В одном из вагонов третьего класса, с рассвета, очутились друг против друга, у самого окна, два пассажира – оба люди молодые, оба почти налегке, оба не щегольски одетые, оба с *довольно замечательными физиономиями* и оба пожелавшие, наконец, войти друг с другом в разговор. [Идиот]
- (5) (а) А между тем там про него все узнали (и даже весьма скоро) *одно очень замечательное обстоятельство* <...>. [Идиот]

Сочетаемость такого рода типична для языка XIX века (а не только для прозы Достоевского), ср. контекст из «Пиковой дамы» Пушкина: *С нею был коротко знаком человек очень замечательный* (подробнее [Добровольский 2001]). Если интерпретировать *замечательный*

¹ [МАС] фиксирует это значение в качестве второго, но не иллюстрирует его современными контекстами.

² Наречие *замечательно*, в свою очередь, обнаруживает в текстах XIX века семантические особенности, нетривиальные с точки зрения современного узуса; ср. *Известно было, что они замечательно любили друг друга и одна другую поддерживали*. [Идиот].

³ К понятию "семантической просодии" ср. [Louw 1993; Atkins, Fillmore, Johnson 2003: 272].

⁴ Ср. сходное историческое развитие немецкого прилагательного *wunderbar*, изоморфного по внутренней форме русскому *чудесный*: современное значение ≈ 'очень хороший' развилось из значения 'имеющий отношение к действию сверхъестественных сил, к проявлению сверхъестественной природы' путем семантической спецификации. Русское слово *чудесный* отличается от *wunderbar* тем, что сохранило, наряду с чисто оценочным, и свое исходное значение: *чудесное исцеление/избавление*.

как 'очень хороший', то словосочетания *довольно замечательный* и *очень замечательный* оказываются семантически неприемлемыми. Смысл 'очень хороший' не мог бы быть модифицирован с помощью *довольно*, поскольку значение этого адвербиала вступило бы в противоречие с семантическим компонентом 'очень'. Также и интенсификаторы высокой степени⁵ типа *очень* не могут выступать здесь в качестве модификаторов степени проявления признака, так как смысл 'очень' уже «встроен» в современное значение слова *замечательный*. Словосочетание *очень замечательный* оказывается корректным, если интерпретировать его в смысле 'в высокой степени заслуживающий внимания'. Современное значение слова *замечательный* допускает лишь его сочетания с интенсификаторами экстремально высокой степени (Intensivierer der extrem hohen Stufe по [van Os 1989]): ср. *в высшей степени замечательный*, так как в этом случае имеется определенное приращение смысла. Естественно, это объяснение оказывается неуниверсальным. Не все интенсификаторы этой степени узуально приемлемы в таких сочетаниях; ср. *крайне замечательный*, *чрезвычайно замечательный*. Это неудивительно, так как известно, что не все запреты на сочетаемость могут быть объяснены семантически (ср. противопоставление лексической и семантической сочетаемости в [Апресян 1974]).

***Замечательный* = *bemerkenswert*?**

Хотя многие авторитетные немецко-русские и русско-немецкие словари приводят прилагательное *bemerkenswert* в качестве одного из основных эквивалентов прилагательного *замечательный*, их эквивалентность отнюдь не очевидна. Немецкое *bemerkenswert* наиболее близко русскому *замечательный* по внутренней форме (ср. глаголы *bemerken* и *замечать*). Отсюда, однако, не следует, что семантические структуры и сочетаемостные особенности этих прилагательных идентичны. Выше было показано, что семантика слова *замечательный* претерпела за последние 160 лет весьма существенные изменения. В принципе нет никаких оснований полагать, что его немецкий квазиэквивалент *bemerkenswert* развивался параллельно.

Обратимся к примерам. Как и можно было ожидать, *bemerkenswert* в качестве эквивалента прилагательного *замечательный* встречается в первую очередь в переводах контекстов, в которых *замечательный* употреблено в своем исходном значении. Так, контекст (5) переведен и С. Гайер, и Х. Херботом с использованием прилагательного *bemerkenswert*.

(5a) Indes erhielt man dort (und zwar recht bald) Kenntnis von *einer höchst bemerkenswerten Begebenheit* <...>. [Geier]

Dennoch erfuhren alle dort (und zwar sehr bald) *einen äußerst bemerkenswerten* ihn betreffenden Umstand <...>. [Herboth]

Слово *bemerkenswert* не специфицировано в оценочном отношении, оно, как показывает пример (5a), хорошо сочетается с модификаторами степени проявления признака.⁶

В случаях, когда слово *замечательный* употребляется в контекстах с положительной оценкой и, следовательно, может быть проинтерпретировано не только как 'заслуживающий внимания', но и как 'очень хороший' (т.е. когда контекстные условия нейтрализуют контраст между устаревшим и современным значениями), в переводах появляются другие эквиваленты. Это в первую очередь *hervorragend* ≈ 'выдающийся', в отдельных случаях также

⁵ По классификации интенсификаторов в [van Os 1989].

⁶ Можно, конечно, предположить, что переводчики, следуя герменевтической традиции литературного перевода (в смысле Ф. Шлейермахера, Х. Ортеги-и-Гассета и В. Набокова) и пытаясь максимально точно воспроизвести стиль оригинала, сознательно используют выражения, не соответствующие современному узусу. Однако анализ употребления слова *bemerkenswert* в корпусах современных текстов показывает, что это не так.

vorzüglich ≈ 'превосходный' и *großartig* ≈ 'великолепный'. Интересно, что приводимое словарями в качестве одного из эквивалентов слова *замечательный* прилагательное *ausgezeichnet* ≈ 'отличный' в корпусе не встречается ни разу. По-видимому, это связано с тем, что *ausgezeichnet* реже, чем его квазисинонимы сочетается с обозначениями лиц,⁷ а все зафиксированные в корпусе употребления слова *замечательный* в положительно окрашенных контекстах относятся к характеристикам персонажей.

Особого внимания заслуживают случаи, в которых решения переводчиков расходятся; ср. (6) и (7).

(6) Это был даже *замечательный* ученый <...>. [Идиом]

Er war sogar ein *hervorragender Gelehrter* <...>. [Geier]

Zudem galt er als ein *bemerkenswerter Gelehrter* <...>. [Herboth]

(7) <...> мы именно говорили о том, что в наших молодых новооткрытых судах можно указать уже на столько *замечательных* и *талантливых защитников*! [Идиом]

Wir hatten gerade darüber gesprochen, daß in unseren jungen reformierten Gerichten bereits eine ganze Anzahl *hervorragender und talentierter Verteidiger* tätig ist! [Geier]

<...> da sprachen wir davon, daß es an unseren jungen neueröffneten Gerichten bereits eine Menge *bemerkenswerte und talentierte Verteidiger* gibt! [Herboth]

В этом случае мы имеем дело с разными переводческими стратегиями. Это, безусловно, тема отдельного исследования. Здесь отметим лишь, что переводы с *hervorragend* и его синонимами скорее моделируют восприятие оригинала современным «наивным» читателем, который интерпретирует словосочетания *замечательный ученый* и *замечательные защитники* в смысле ≈ 'очень хороший ученый', ≈ 'очень хорошие защитники'. А перевод с *bemerkenswert* – восприятие романа современниками Достоевского.

В заключение укажем, что переводы некоторых контекстов (особенно тех, которые сильно отклоняются от норм современного узуса) не обнаруживают ни одного из «системных» эквивалентов слова *замечательный*, а используют совершенно иные лексические средства.

Ср. переводы контекстов (2) и (3).

(2a) Also, was glauben Sie: Ist diese Perversion von Begriffen und Überzeugungen, die Möglichkeit einer solchen *Verdrehung und absonderlichen Auffassung* der Dinge ein Einzelfall oder eine allgemeine Erscheinung? [Geier]

Nun, was meinen Sie: Ist diese Verdrehung aller Begriffe und Überzeugungen, diese möglich gewordene *eigentümliche schiefe Sicht* ein Einzelfall oder eine allgemeine Erscheinung? [Herboth]

(3a) Er war ein Mann, *der sich durch ein beinahe ununterbrochenes und sprichwörtliches Mißgeschick auszeichnete* – Offizier im Ruhestand, aus einer guten adligen Familie und in dieser Beziehung Tozkij sogar überlegen, ein gewisser Filipp Alexandrowitsch Baraschkow. [Geier]

Der Mann, Filipp Alexandrowitsch Baraschkow, ein pensionierter Offizier aus guter Adelsfamilie und in dieser Hinsicht sogar von gediegenerer Herkunft als Tozki, *fiel allgemein wegen seiner ständigen, geradezu sprichwörtlichen Mißerfolge auf*. [Herboth]

Подобные особенности перевода объясняются, по-видимому, тем, что соответствующие немецкие прилагательные имеют свои ограничения на сочетаемость – иные, чем у русского слова *замечательный*. Это относится как к группе прилагательных, квазиэквивалентных этому слову в его современном значении (*hervorragend, vortrefflich, ausgezeichnet, vorzüglich, großartig* и т.п.), так и к прилагательному *bemerkenswert* и его синонимам. Контексты, высвечивающие те сочетаемостные особенности прилагательного *замечательный*, которые отличаются от сочетаемостных особенностей его немецких квазиэквивалентов, переводятся с помощью других конструкций. Например, контексты, в которых *замечательный* управляет

⁷ Исключениями являются прежде всего обозначения отдельных профессий; ср. аналогично и в русском языке: *отличный механик/врач*, но [?]*отличный молодой человек*.

предложной группой, вводимой предлогом *по* (ср. (3)), в принципе не могут быть переведены с использованием квазиэквивалентных прилагательных, так как ни одно из них не имеет сопоставимой валентности. Ср. контексты (3а), где русскому словосочетанию *замечательный по своим непрерывным и анекдотическим неудачам* соответствуют конструкции, в обратном переводе выглядящие примерно так: *который отличался своим почти непрерывным и вошедшим в поговорку невезением* [Geier] и *обращал на себя всеобщее внимание из-за своих постоянных, уже даже вошедших в поговорку неудач* [Herboth]. Как ни странно, подобные сочетаемостные различия между близкими по семантике русскими и немецкими словами практически еще не описаны.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
2. Добровольский Д.О. О языке художественной прозы Пушкина: аспекты лексической сочетаемости // A.S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands / Hrsg. von Gerhard Ressel. Frankfurt am Main etc.: Lang, 2001. S. 167-188.
3. Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов и литературный перевод // НТИ сер.2, № 10, 2003. С. 13-18.
4. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
5. Atkins S., Fillmore C.J., Johnson C.R. Lexicographic relevance: selecting information from corpus evidence // International Journal of Lexicography, 16/3, 2003. P. 251-280.
6. Biber H., Breiteneder E., Dobrovolskij D. Corpus-Based Study of Collocations in the AAC // Proceedings of the Tenth EURALEX International Congress, Vol. 1. Copenhagen: CST, 2002. P. 85-95.
7. Louw B. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies // Text and technology. In honour of John Sinclair. Ed. by M. Baker et al. Philadelphia/Amsterdam: Benjamins, 1993. P. 157-176.
8. van Os C. Aspekte der Intensivierung im Deutschen. Tübingen: Narr, 1989.

Источники

1. [Geier] – Dostojewskij F. Der Idiot. Aus dem Russischen von Swetlana Geier. 3. Aufl. Zürich: Amman Verlag, 1996 (1. Aufl. 1996).
2. [Herboth] – Dostojewski F. Der Idiot. Aus dem Russischen von Hartmut Herboth. Berlin/Weimar: Aufbau-Verlag, 1994 // Dostojewski F. Sämtliche Romane und Erzählungen, Bde 1-11. (1. Aufl. 1986).
3. [Идиот] – Достоевский Ф.М. Идиот // Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том 8. Л.: Наука, 1973.
4. [МАС] – "Малый академический словарь" = Словарь русского языка в четырех томах. 3-е, стереотип. изд. М: Русский язык, 1985-1988.
5. [Ожегов, Шведова] – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995.
6. [СЯП] – Словарь языка Пушкина. Том 1-4. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000 (1-е изд. 1956-1961).
7. [Ушаков] – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994 (1-е изд. 1935-1940).